

ИСТОРИЯ, НЕ УСТУПАЮЩАЯ РОМАНУ ДЖЕКА ЛОНДОНА «БЕЛЫЙ КЛЫК»

Джеймс Оливер Кервуд — американский писатель, путешественник, защитник природы. Автор легендарной повести «Бродяги Севера» и других приключенческих повестей и романов. Многие из них были экранизированы.

Настало время, когда сникли от страха самые могучие и смелые охотники. Они укрылись в своих иглу, боясь высунуть нос. Температура опустилась до отметки 50 градусов ниже нуля, и воздух стал сухим и острым. Тогда началось путешествие Молниеносного, волка, в чьих жилах текла также кровь дога, его далекого предка. Его путь разделил с ним друг — лесной волк Мистик. Этих двоих ждет долгий переход, сквозь метель и бурю, высокие снега и опасные ледники. Туда, в самое сердце Арктического побережья, в неприступную цитадель Севера...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7659-8

9 786171 276598

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР
КЕРВУД

МОЛНИЕНОСНЫЙ

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД
МОЛНИЕНОСНЫЙ

JAMES OLIVER CURWOOD

SWIFT LIGHTNING

A Novel

Джеймс Оливер Кервуд

МОЛНИЕНОСНЫЙ

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
К36

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7659-8

© DepositPhotos.com / xl-2015,
обложка, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», издание
на русском языке и худо-
жественное оформление,
2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Полярная ночь была наполнена незнакомыми и загадочными звуками и шорохами. Сгущались сумерки — ранние сумерки, предвестники долгих и пасмурных месяцев, быстро наступавших на этот скованный холодом мир, в который превратился Североамериканский континент за Полярным кругом. Землю уже укрыл слой снега, мелкого и твердого, словно сахарный песок; его толщина была чуть менее двенадцати дюймов, но почва под ним уже промерзла насквозь. Температура упала до сорока градусов ниже нуля.

На голом гребне тороса, с которого открывался вид на заснеженные льды узкого залива Батерста, сидел Молниеносный, глядя на свой мир, раскинувшийся перед ним. Это была его третья зима — его третья Долгая Ночь. И вот эти самые сумерки будили в нем дурные предчувствия. Сумерки ничуть не походили на те, что бывают на юге, — здесь они превращались в огромное серое ничто, в настоящий

хаос, в котором взгляд проникает далеко, но ничего не видит. Земля и небо, море и суша слились воедино. Здесь не было ни облаков, ни неба, ни горизонта, ни луны, ни солнца, ни звезд. И это было куда хуже ночи. Некоторое время спустя небесных светил станет слишком много, и тень Молниеносного примется бегать с ними наперегонки.

А пока что его мир напоминал яму. И в яме этой слышался звук, который ему никогда не нравился. Временами он вызывал у него неизбывную тоску и странное чувство одиночества. Ветра не было, но в сером хаосе, раскинувшемся под небом, слышались стоны и шорохи, которые то и дело заставляли маленьких полярных лисят лаять. Молниеносный ненавидел этих лисят. Ему хотелось разорвать их на куски. Ему хотелось заставить их замолчать; ему хотелось избавиться от них землю. Но они отличались изворотливостью, и поймать их было трудно. Эту истину он уже усвоил на собственном опыте. Сидя на своем торосе, он оскалил клыки. В глотке у него родился рык, и он вскочил на ноги.

Он являл собой великолепный образчик дикого зверя. На всем пространстве от Киуагина до Большой Медведицы сравниться с ним в холке могла едва ли полудюжина волков. И вообще, он не очень-то походил на волка. Владелец широкой квадратной груди, он высоко держал свою большую голову. В нем не чувствовалось той трусливой настороженности, что обычно свойственна его собратьям. Он смотрел на мир открыто и без страха. Спину он держал прямо,

в ляжках у него не было «волчьего приседа», а светло-серым окрасом этот волк напоминал калифорнийского кролика. Голова его отличалась массивностью, что было необычно для волчьего племени; глаза были широко расставлены, челюсти — тяжелые, и он никогда не поджимал хвост. Потому что Молниеносный был реликтом — пережитком двадцати поколений волков прошлого. Много лет назад его предком стала собака, огромный датский дог. Целых двадцать лет его кровь смешивалась с волчьей, двадцать лет она скрещивалась с ними, пока в конце пятого периода спаривания порода датских догов не растворилась в крови диких волков. Еще пятнадцать лет спустя его предки оставались волками — голодными охотниками за мясом, волками бесплодных пустошей, волками с отщавшими спинами и ляжками, волками с поджатыми хвостами и узкими глазами — волками, которые не испытывали такой ненависти к маленьким полярным лисам, какой ненавидел их он и как ненавидел их огромный датский дог двадцать лет назад.

Но Молниеносный, стоя на вершине своего тороса и являя собой реликт двадцати поколений волков, знал о капле собачьей крови у себя в жилах столь же мало, как мало разбирался в загадочных подвываниях и скулеже, которые звучали у него высоко над головой, в сером мареве, протянувшемся от земли до неба. Он был волком, и все тут. Стоя на голой кромке тороса, сдерживая глухое рычание, рвущееся наружу из глотки, обнажив длинные белые клыки в ответ на лай полярных лис, он оставался волком с головы до

кончика хвоста. Но в его дикой и свирепой душе — душе, закаленной и ожесточившейся в битвах, в борьбе с голодом, холодом и смертью, — уже звучал голос предка, датского дога, Большого Датчанина, долетевший с расстояния в почти четверть века.

И Молниеносный вновь ответил на него сейчас, как отзывался раньше. Слепо и безрассудно, не понимая, что и зачем делает, повинувшись лишь беспомощному инстинкту, пробивающемуся к свету, он спустился вниз, на уровень моря.

«Морем» был залив Батерста. Точно так же, как залив Коронейшн является частью Северного Ледовитого океана, так и залив Батерста принадлежит заливу Коронейшн. Широкий на входе, но сужающийся до толщины женского пальчика, он на две сотни миль вдается в Землю Маккензи, так что по его льду можно попасть из царства моржей и белых медведей, начисто лишённого травяного покрова и кустов, туда, где за великими пустошами растут березы, кедры и можжевельник. Это долгая и открытая тропа, ведущая от Земли Принца Альберта до лесных просторов, — причуда и прихоть Арктики, прямая, как стрела, дорога от эскимосских иглу в проливе Мелвилла к началу цивилизации в Старом Форте Релайенс, в пятистах милях к югу.

Именно на юг Молниеносный и обратил свой взор, потянув носом воздух. Он уже позабыл о маленьких полярных лисах. Отправившись в путь легкой рысцой, в конце восьмой мили он уже бежал. Его огромное серое тело мчалось все быстрее и быстрее. Когда ему

исполнилось два года, индеец из племени кри и белый человек заметили, как он трусцой пересекал узкую горловину открытой равнины, и кри сказал: «Weya mekow susku-wao — он быстр, как молния». И вот теперь Молниеносный несся в том же ритме. Нет, это была не работа. Он так играл — и радовался жизни. Он не загонял добычу. И не был голоден. Тем не менее его охватил дикий восторг, азарт и возбуждение от быстрого бега, покорных сильных мышц, великолепного и не знающего усталости тела, которое повиновалось порывам его настроения и желания так же, как исправный механизм реагирует на электризирующее прикосновение человеческих рук. Впрочем, и он по-своему, инстинктивно, сознавал в себе эту силу. Но, самое главное, он любил мчаться вот так под луной и звездами, наперегонки с собственной тенью, единственным живым существом на всем Дальнем Севере, которое он не мог победить на открытой местности. Сегодня ночью, или просто сегодня — потому что наступило уже ни то и ни другое, — безумие быстрого бега бурлило у него в крови. Целых двадцать минут он несся наперегонки с самим собой — а потом остановился. Бока его вздымались и опадали в такт быстрому дыханию, но он ничуть не запыхался. Стоило ему замереть на месте, как он тут же вскинул голову; глаза его без усталости вглядывались в хаос пустоты впереди, и он жадно втягивал ноздрями воздух.

В этом воздухе обнаружилось кое-что, что заставило его развернуться поперек собственного хвоста и броситься в худосочный лесок, протянувшийся

вдоль берега и являвший собой наглядный пример того, сколь могущественны силы арктической природы. Корявый и низкорослый, лесок выглядел так, словно его корежило в адовых муках до тех пор, пока жизнь не покинула его. Он рос здесь с незапамятных времен, но так и не поднялся выше слоя снега, который укрывал его. Ему могло быть и сто лет, и пятьсот, и даже тысяча, но его самое могучее дерево, толщиной с бедро взрослого мужчины, едва достигало плеча Молниеносного. Впрочем, и здесь встречалась чащоба. Как и укрытия, кстати. Вокруг сновали крупные зайцы-беляки. Над головой у волка пролетела огромная белая сова. Дважды Молниеносный предостерегающе обнажал клыки, заметив призрачные силуэты полярных лисиц.

Но при этом он не издал ни звука. Сейчас его вело чувство куда сильнее ненависти к ним, и он безостановочно двигался вперед. Запах, висящий в воздухе, усилился. Он шел прямо на него, не сворачивая. Полумилей дальше он наткнулся на рану в земле, оставленную зубастым краем какого-то доисторического глетчера. Она оказалась узкой, глубокой и странной, напоминавшей скорее расселину, чем долину. Он мог пересечь ее в дюжину длинных прыжков. И вот в ней рос лес — настоящий лес, — поскольку каждую зиму ветры с пустошей заметали расселину снегом, и деревья в ней оказывались под защитой его покрова глубиной в тридцать или сорок футов. Сейчас он лежал внизу перед ним, густой и черный. И Молниеносный знал, что там есть жизнь, — если только он постарается отыскать ее.

Серой тенью он скользил вдоль гребня этой пробитой глетчером расселины, теряясь во мраке. Но во впадине нашлось много глаз, привыкших к темноте, и они свирепо следили за ним. Из нее поднялись в воздух белые призраки полярных сов. Их огромные крылья зашелестели над ним, и он расслышал злобное щелканье их убийственных клювов. Он увидел их, конечно, но не остановился, как и не испугался. Лиса на его месте тут же метнулась бы в укрытие. Любой другой волк с рычанием повернул бы в сторону пустошей. Но Молниеносный даже не удостоил их внимания. Он не боялся сов. Он не боялся даже Вапуска, большого белого медведя. Он знал, что не сможет убить его, а вот Вапуск запросто мог раздавить его одним взмахом своей чудовищной лапы. Тем не менее он не боялся. В его мире лишь одна-единственная вещь внушала ему страх, и вот внезапно она выросла перед ним, еще одна тень в сумерках.

Это было жилище — бревенчатый сруб из молодых деревьев, доставленных сюда из тьмы прорубленной глетчером расселины. На крыше торчала труба, из которой шел дым. Это его Молниеносный унюхал с расстояния в целую милю. На несколько долгих минут он замер, а потом медленно двинулся по кругу, пока не оказался напротив окна в стене дома.

Вот уже в третий раз за последние месяцы, которых набралось два раза по три, он приходил сюда, садился и смотрел на окно. Дважды он приходил ночью, и оба раза окно светилось. Оно и сейчас было освещено. Молниеносный решил, что оно похоже на

квадратный лоскут румяного солнца. Из него в ночную темноту струилось светло-желтое *ничто*. Молниеносный уже знал, что такое огонь, но до тех пор, пока не наткнулся на жилище, даже представить себе не мог, что огонь может быть вот таким — без пламени. Казалось, мир вокруг сруба потемнел, потому что внутри него пряталось солнце.

Сердце быстро билось в широкой груди волка, а в глазах появился незнакомый блеск, пока он смотрел на освещенное окно, расположенное в сотне футов. Двадцать поколений волков отступили прочь, и капля собачьей крови превратила его в почтового голубя — и он вернулся во времена датского дога, который спал в круге света у очага белого человека и чувствовал прикосновение его руки; вернулся к солнцу, жизни, теплу и любви в голосе своего хозяина. И теперь тень предка сидела рядом с Молниеносным, пока он смотрел на желтое окно. В нем проснулся дух Скагена. Этот призрак Скагена бежал с ним сквозь сумерки на запах дыма из жилища белого человека.

Но Молниеносный не знал об этом. Он молча смотрел на дом и свет, и в его свирепом сердце вдруг поселились тоска и одиночество. А вот понимания не было. Потому что он был и оставался волком. Его привели сюда двадцать поколений тел, сердец и крови волков. Но сейчас рядом с ним сидел призрак Большого Датчанина и тоже смотрел на окно.

А в доме на краю пробитой глетчером расселины, повернувшись спиной к плите, капрал Королевской

северо-западной конной полиции Пеллетье читал вслух констеблю Сэнди О'Коннору приложение к своему официальному рапорту, который он намеревался отправить эскимосскими нартами в форт Черчилль, расположенный в нескольких днях пути и семи сотнях миль к югу.

Последние слова Пеллетье были адресованы старшему инспектору Старнсу, начальнику отдела полиции «М» в Черчилле, и гласили:

«...прошу присовокупить нижеследующие соображения в отношении карибу и волков в качестве особого важного дополнения к моему отчету об угрозе голода в северных районах нынешней зимы. Волки сбиваются в огромные стаи, насчитывающие от пятидесяти до трехсот особей. На одной из троп мы обнаружили кости двух сотен карибу, загрызенных на расстоянии в семь миль. На другой — больше сотни скелетов на девять миль. Обнаружить останки тридцати или сорока оленей там, где охотилась стая поменьше, — самое обычное дело. Пожилые эскимосы рассказывают, что раз в поколение волков охватывает «безумие крови», их стаи вытесняют из округи всю дичь, убивая тех, кто не успел убежать. Эскимосы верят, что в такие годы «демоны» берут верх и торжествуют над добрыми духами земли; из-за этих предрассудков нам трудно заручиться их сотрудничеством в охоте на волков, которую мы могли бы организовать. Впрочем, я надеюсь, что нам удастся переубедить

молодых эскимосов, над чем мы с констеблем О'Коннором и работаем.

Имею честь оставаться вашим покорным слугой, сэръ,
Франсуа Пеллетье,
капрал патруля».

Пеллетье и О'Коннор сидели за столом из расколотых вдоль стволов молодых деревьев, а над головами у них висели жестяные масляные лампы, которые и освещали окно. Вот уже семь месяцев эти парни несли службу на краю земли, позабыв о том, что такое бритва. Цивилизация осталась где-то далеко-далеко. Впрочем, на карте мира имелось еще одно местечко, олицетворявшее собой закон и расположенное еще дальше к северу, на острове Гершеля. Но тамошние казармы, уютные и не лишенные даже некоторых излишеств, нисколько не походили на их нынешнюю лачугу. Сидящие в круге света, отбрасываемом лампой, мужчины давно стали частью дикой природы, в которой поддерживали закон и порядок. О'Коннор, рыжий, бородатый и широкоплечий верзила, выложил свои огромные кулачищи на стол, с ухмылкой глядя на Пеллетье, чьи волосы и борода были настолько же черными, насколько у О'Коннора они были рыжими. Пеллетье ответил ему слегка извиняющейся улыбкой. Семь месяцев ада, оставшихся в прошлом, и предвкушение еще пяти, ждущих впереди, не смогли омрачить их дружбы.

— Прекрасно, — сказал О'Коннор, в голубых глазах которого светилось восхищение. — Если бы я мог так

ловко складывать слова, то оказался бы на юге, а не здесь, — и Кэтлин давно вышла бы за меня замуж. Но ты забыл кое о чем, Пелли. Ты не упомянул о том, что я рассказывал тебе о вожаках — вожаках стай.

Пеллетье в ответ лишь покачал головой.

— Понимаешь, это звучит не очень хорошо, — сказал он. — Можно сказать, несуразно как-то, что ли. Неблагоразумно.

О'Коннор встал из-за стола и потянулся.

— К черту благоразумие, — заявил он. — И вообще, о каком благоразумии ты ведешь речь, Пелли? Говорю тебе, эти эскимосы со своим куриным кудахтаньем *правы*. Если эти стаи ведет не сам дьявол, то я — негр, а не белый, и зовут меня не О'Коннор. Будь я проклят, но я готов доказывать это старшему инспектору до посинения, если понадобится. А вот если мы сможем достать вожаков...

Он вдруг оборвал себя на полуслове и обернулся к окну. Пеллетье, по-прежнему сидевший за столом, тоже напрягся и прислушался.

И вновь Скаген — дух Скагена, а вовсе не Молниеносный, — завыл, глядя на жилище белого человека. Из огромной глотки вырвался вой, громкая жалоба, вознесшаяся к серой кутерьме небес, — это был клич, обращенный к тем двадцати поколениям хозяев, которые были забыты много лет назад или давно умерли. Ни один волк в тех огромных стаях не обладал таким глубоким и громким голосом, как Молниеносный. Поначалу едва слышный, полный какой-то потусторонней тоски, он постепенно набирал силу. Это

был голос жизни, но при этом и смерти — далеко разносящийся по ветру, в урагане и во тьме, — вдохновенный, пугающий и ужасный. И мир содрогнулся и отпрянул в страхе от того, кто издал этот вой.

Молниеносный выл, сидя у края расселины. И прежде, чем эхо его воя растворилось в белом безмолвии пустошей, дверь дома распахнулась и в прямоугольнике света показался человек. Это был О'Коннор. Глядя в серую пелену, он быстро вскинул что-то и прижал к плечу. Уже дважды до этого часа Молниеносный видел вспышку и слышал раскат странного грома, который раздавался вслед за теми движениями, что совершал сейчас О'Коннор. Во второй раз кто-то словно огненным пальцем провел длинную борозду в шерсти у него на плече. И сейчас инстинкт подсказал ему, что над головою у него прошелестела смерть — смерть, с которой он не мог справиться, смерть, с которой он не мог сражаться, предательская и подлая. А он ненавидел подлость и предательство. Потому что его предок был честен с человеком и зверем до тех пор, пока билось его большое сердце. Это чувство жило у Молниеносного в крови.

Он развернулся, и серые сумерки поглотили его. Но он не убежал. Ему не было страшно. Сейчас в его дикой и кровожадной душе проснулось совсем иное чувство. Это был дух датского дога, Большого Датчанина, который дрался за жизнь и проиграл.

И когда Молниеносный наконец тенью скользнул в серые сумерки, призрак Скагена больше не бежал рядом с ним.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прозвучал выстрел — этот смертельно опасный шелест в воздухе, — и вновь в жилах Молниеносного, словно жидкий огонь, заструилась горячая красная кровь волка. Он опять превратился в грубого и великолепного разбойника пустошей, пирата великих снегов, «kakea iskotao» — «порождение ада среди зверей». И столь быстрой перемене он был обязан О'Коннору — О'Коннору и его ружью.

Биение новой жизни подгоняло его. Одиночество, которое и привело его к хижине, и зов давно умерших предков сменило другое, куда более азартное и волнующее чувство — желание присоединиться к своей стае.

Колдовские чары разрушились. Он опять стал волком — до мозга костей.

По пустошам он несся прямой, как стрела, тропой — пять миль, шесть, семь, почти десять. А потом остановился и, наострив уши, стал слушать.

Еще трижды за последующие три мили он делал паузу, слушая воздух. На третий раз до него донесся слабый и далекий голос Балу, который воем поднял стаю на охоту — Балу-Мясника, Балу Большие Легкие. Быстрота, рост и гигантская сила обеспечили ему место вожака в стае. Молниеносный сел и ответил на зов. С юга, востока, запада и севера донеслось эхо ответного клича, главным в котором был голос Балу. Он дольше держал дыхание, начиная выть чаще и громче; и те волки, в ком проснулась жажда свежей крови и мяса, поворачивали на его зов. По одному, по двое и по трое они рысцой бежали по мерзлой земле. Вот уже семь дней и ночей не было большой охоты, и волки покрасневшими глазами нетерпеливо высматривали добычу, снедаемые жаждой вкусить ее крови.

Та же самая жажда бурлила и в крови Молниеносного, накалом ничуть не уступая той, что была у самых диких волков. Многие из них уже сбились в стаю и мчались намётом, когда он присоединился к ним. Они бежали молча, плечом к плечу, призрачное воплощение свирепой ярости и могучей силы челюстей, клыков и мышц, полные решимости убивать. Пожалуй, их было уже не менее пятидесяти, и число их постоянно увеличивалось — сначала до шестидесяти, потом до восьмидесяти, и вот уже достигло сотни. Впереди бежал Балу. Во всей стае только один волк мог сравниться с ним размерами и силой, и это был Молниеносный. И потому Балу ненавидел его. Царь и господин над всеми остальными, в своем

сопернике он чувствовал угрозу своему владычеству. При этом они еще ни разу не дрались. И вновь причиной тому был датский дог, Большой Датчанин. Потому что Молниеносный, в отличие от любого другого волка, никогда не жаждал власти. Пребывая в самом расцвете молодости и силы, он испытывал радость жизни от собственной отваги и умения убивать. Долгими днями и неделями он мог охотиться в одиночку, держась вдали от стаи. В такие дни его голос не отвечал на их зов. Он странствовал в одиночку. И бежал тоже. Он всегда оставался один — не считая времени, когда рядом с ним бежал призрак Скагена. Но, когда он возвращался, Балу смотрел на него налитыми кровью глазами, обнажая огромные клыки в ревнивой ненависти.

А Молниеносный, находясь на пике победительной молодости своих трех лет, не имел ни малейшего желания драться с себе подобными. Нет, он дрался, но не для того, чтобы подчинить, как и никогда не начинал драку первым; равным образом он не убивал и проигравших, как поступил бы на его месте Балу. Он беззлобно сносил укусы своих младших и более слабых сородичей, не карая их за это мезтью, на которую были способны его огромные челюсти. Но иногда в его сердце просыпалась жажда убийства.

Вот как сейчас. Еще никогда желание убить не было таким сильным, и он почти не обращал внимания на Балу, держась неподалеку от вожака во главе стаи.

На Крайнем Севере борьба за существование тягела не только для людей, но и для волков. Балу и его

стая бежали совсем не так, как это делают лесные волки. Они сдерживали свой азарт и возбуждение, и стоило им взять след, как стая больше не выпускала леденящий душу вой. Они превращались в чудовищного и призрачного монстра, скользящего в полумраке, как огромные *loup-garou*, волки-оборотни из старинных легенд, перемещавшиеся в пространстве одним прыжком. Их молчание было сродни тому, что приходит с Долгой Ночью. Но случайный наблюдатель наверняка услышал бы их — мягкий топот множества лап, распаленное дыхание, щелканье зубов и жуткое подвывание.

Для Молниеносного это была его игра, его награда за жизнь. Он не обращал ровным счетом никакого внимания на Мухекун, молодую волчицу, что бежала с ним бок о бок. Она была стройным и красивым маленьким хищником, но все силы ее быстрого юного тела уходили на то, чтобы держаться с ним наравне. Трижды он слышал ее горячее дыхание у своей шеи, а однажды, повернувшись, ткнулся кончиком носа ей в спину. В ней зарождался материнский инстинкт, оказавшийся куда сильнее жажды крови. Но Молниеносный не ощутил ответного волнения. День и час для этого еще не настали. Сейчас им владела лишь одна страсть — догнать жертву, что пока еще бежала впереди, сбить ее прыжком и вонзить клыки в живую плоть и горячую кровь.

Он первым из всей стаи уловил то, что вынюхивали в воздухе сотни носов, — запах стада северных канадских оленей карибу. Через четверть мили он

стал сильнее, и Балу повел стаю на юго-запад. Скорость возросла, и медленно, очень медленно чудовищная тень сотни мчащихся зверей начала распадаться на отдельных особей. Причем сигнала не было. Вожак по-прежнему не издавал ни звука. Тем не менее создавалось впечатление, будто каждый волк слышал мысленную команду и подчинился ей. Случись это при свете дня, глазам постороннего наблюдателя предстала бы неизбежная и зрелищная трагедия. Охотники растянулись цепью по фронту в одну восьмую мили. Самые сильные и быстрые находились на концах дуги. До оленей карибу оставалось чуть меньше мили.

Густой серый туман накрыл приближающихся преследователей, и ветер дул от парнокопытных в сторону волков. Олени по-прежнему ни о чем не подозревали.

И вдруг Молниеносный рванулся вперед. Он впервые дал полную свободу своему умению бегать быстро. Инстинкт стаи, закон лидерства, присутствие юной волчицы, которая изо всех сил старалась не отстать, перестали для него существовать. Одним прыжком он догнал Балу. Обогнал его. Казалось, он мчится быстрее ветра. Стая осталась позади, и он оказался в одиночестве. Запах живой плоти забивал ему ноздри. В ночи впереди вырастали серые тени, и он, оправдывая свое прозвище, бросился на них. В тот же миг стая разразилась торжествующим воем. Они молчали вплоть до последнего момента, но сейчас глотки взорвались боевым кличем

и, подобно орде безжалостных гуннов, волки набросились на карибу.

Олени кинулись врассыпную. Перед этим они выкапывали хрустящий зеленый мох из-под снега, и атака Молниеносного застигла их врасплох. От него одного они удрали бы легко и без особых усилий, но приближение целой стаи повергло оленей в ужас, и над белым безмолвием пустошей разнесся стук копыт, похожий на раскаты надвигающегося грома. Стадный инстинкт парнокопытных подсказывал им: нужно держаться вместе в минуту опасности, и карибу повиновались ему.

После своего стремительного рывка Молниеносный на добрых двадцать ярдов врезался в глубь стада, вцепился клыками в горло молодого самца, но тут насмерть перепуганные животные начали окружать его. Сомкнувшись плотной массой, они взяли его в кольцо. А он всем весом своего тела в сто сорок фунтов отборных мышц и костей повис на горле молодого карибу, прокусив тому яремную вену. Он слышал глухие удары от столкновения тел, рычание стаи, а вот его сомкнутые челюсти не издали ни звука. Его собратья принялись за дело, нападая на каждого оленя вдвоем, втроем и даже вчетвером, но ему почему-то хотелось прикончить свою жертву в одиночку. Огромное стадо пришло в движение, и, оказавшись в самом сердце мощного водоворота, он со своей жертвой повалился на снег, ни на миг не ослабляя хватку сомкнувшихся на горле оленя клыков. Над ними пронеслась масса тел; они ощутили топот

копыт и услышали стук и треск рогов. А Молниеносный лишь еще глубже вонзил клыки. На минуту он даже перестал дышать, напрягая все жилы в последнем, отчаянном усилии; упершись в землю передними лапами, он подобрался и, словно пружина, распрямился в могучем рывке в обратную сторону, отчего кровь молодого оленя алым фонтаном ударила из разорванного горла, орошая истоптанный копытами снег.

Двадцать карibu уже лежали на земле, когда Молниеносный, пошатываясь, поднялся. Мимо них пронесся хвост стада. Основная же масса в тысячу голов бешеным галопом уносилась к югу и западу, и топот их копыт вновь звучал подобно раскатам удаляющегося грома. Но никакой голод не способен был заглушить жажду убийства, и обезумевшие от запаха и вкуса крови волки, хозяева снежных пустошей, кинулись за ними в погоню. Остановить бойню могло лишь полное изнеможение. До тех пор пока у них оставались силы сжимать челюсти на горле своих жертв, а лапы не отказывались служить им, волки преследовали хвост убегающего стада. И, когда последние охотники повернули обратно, шестьдесят мертвых карibu лежали на окровавленной тропе длиной в три мили.

А потом над телами животных, убитых последними, началось кровавое пиршество. Со своей второй жертвой Молниеносный расправился уже не в гордом одиночестве. Драка была долгой и упорной. Его швыряли из стороны в сторону, поднимали на рога

и били копытами, и ему досталось бы куда больше, если бы к нему не присоединилась вторая пара челюстей. В пылу схватки он краем глаза заметил, как рядом мелькнуло изящное тело; услышал свирепое рычание и ощутил сильный рывок чужих зубов — а когда убийство все-таки свершилось, он обнаружил, что на помощь ему пришла та самая молодая волчица. Клыки у нее окрасились алым, раны кровоточили и бока вздымались, как у загнанного и избитого животного, — но у нее еще хватило сил встать рядом с ним, торжествуя и радуясь победе.

Они убивали вместе! И она гордилась этим. Они убивали вместе — Молниеносный и она! И на этом поле смерти Молниеносный вдруг испытал то, чего не ощутил, когда она бежала рядом с ним часом ранее. Тогда инстинкт самки подсказал Мухекун, что она наконец-то одержала свою самую главную победу.

Охваченный новым вдохновением, Молниеносный выгрыз огромную дыру в боку карибу, и, когда она стала достаточно большой, к нему присоединилась Мухекун. Вот так, бок о бок, и началось их совместное пиршество. Лежа на снегу, молодая волчица своим теплым боком касалась Молниеносного, и его переполняло удовлетворение собственника и хозяина. Он не пожелал насыщаться жадно, а лишь частично отрывал большие куски мяса от туши, чтобы Мухекун было легче откусывать их. А когда мимо проходили другие волки или их рычание раздавалось слишком уж близко, она устремляла на них ревнивый взор налитых кровью глаз. Именно она первой заметила

огромную тень, которая подошла к их карибу с другой стороны и остановилась, глядя на нее сверкающими глазами. Молниеносный, пасть которого была полна мяса, услышал ее предостерегающее рычание, но не обратил на него внимания. Он не был склонен к пустым ссорам и не стал бы возражать, если бы к его пиршеству присоединилась хоть бы и целая дюжина волков. Но инстинкт супружества и верности своему избраннику воспламенил кровь Мухекун. Потому что незваным гостем оказался сам Балу. Не успел он вцепиться зубами в плоть карибу, как Мухекун бросилась на него, пылая жаждой мести. Ее клыки цвета слоновой кости распороли шкуру у него на плече, и огромный вожак стремительно развернулся к ней.

Только сейчас Молниеносный увидел и понял, что происходит, и одним прыжком оказался рядом с Балу. Вожак все-таки успел перехватить глотку Мухекун, как вдруг Молниеносный атаковал его, и раздался сочный хруст рвущейся плоти, когда два огромных зверя покатались по снегу. Молниеносный вскочил на ноги мгновением раньше своего врага. Мухекун на брюхе ползла к нему. Кровь хлестала из ее разорванной глотки, и в груди у нее что-то странно хлюпало. Молниеносный услышал ее прерывистый визг, и в нем вдруг разгорелся — сильно и яростно, как никогда раньше, — дух Большого Датчанина. Из туманной дымки прошлого до него долетел зов большого дога, требуя не только отмщения, но и справедливости, и защиты слабых, поскольку жестокое рыцарство собаки — в отличие от волка — в том

и заключается, чтобы защищать самку и покровительствовать ей. А вот Балу было все едино, кому перекусить горло — волку или волчице. И в Молниеносном впервые в жизни проснулось слепое и яростное желание убить ради отмщения.

Балу тоже вскочил на ноги и смотрел на него в упор, когда стон умирающей Мухекун оборвался последним всхлипом. А они медленно, едва переставляя лапы, принялись кружить друг напротив друга, так что волки, оказавшиеся поблизости, оставили туши своих жертв и образовали круг, жадно сверкая налитыми кровью глазами, — круг смерти, покинуть который живым предстояло только одному из соперников. Балу, волк до мозга костей, передвигался с большой осторожностью, то и дело приседая на лапы. Уши у него стояли торчком, а вот спина прогнулась, словно сжатая пружина, хвост же волочился по снегу. Молниеносный, с виду — настоящий волк, вел себя совсем по-другому. С головы и до кончика хвоста он был напряжен, как струна, и каждая жилочка в его теле была готова к схватке не на жизнь, а на смерть. Он был всего лишь вдвое моложе Балу, так что в том, что касалось силы и выносливости, преимущество было на его стороне. Но Балу был и оставался бойцом всю свою жизнь. Хитрый и коварный, как лиса, он был способен выкинуть самый неожиданный трюк. Он внезапно прыгнул вперед, внутрь круга, и его движение оказалось столь стремительным, что, прежде чем Молниеносный успел уклониться или встретить его, клыки врага оставили глубокую рану у него на крестце.

Но, сколь бы хитроумна ни была атака старого бойца, отход оказался еще хитроумнее. Он едва успел нанести удар, как Молниеносный рванулся к нему из всех сил, но Балу — вместо того чтобы отпрыгнуть вправо или влево — поступил совершенно неожиданно и распростерся на снегу, так что Молниеносный едва не проскочил над ним. Балу мотнул головой вверх и вбок, и его клыки, словно ножи, пропоролы брюхо соперника. Рана получилась глубокой, и оттуда струей хлынула кровь.

Обе коварные атаки заняли не более двадцати секунд, и в обычной волчьей схватке огромное преимущество уже оказалось бы на стороне Балу; потому что волк, пропустивший два удара, да еще когда его собственная атака не увенчалась успехом, утрачивает волю к победе и переходит к обороне, принимая на себя все ее риски и недостатки, вместо того чтобы броситься в новую атаку. И именно поэтому кровь Большого Датчанина, текущая в жилах Молниеносного, позволила ему поставить шах и мат триумфу и стратегии Балу. Он второй раз бросился на своего врага, и в третий раз чужие клыки порвали ему шкуру — теперь уже на плече. На миг он споткнулся и упал, но всего лишь на миг — и в третий раз атаковал вожака стаи. Лязгнули клыки. В горле у него родился рык. Челюсти его сомкнулись с ужасным хрустом, и Балу, рыча и извиваясь всем телом, рухнул на снег, оказавшись придавленным тяжестью Молниеносного. Примерно четверть минуты оба бойца не разжимали челюстей. Но потом Балу вырвался и вновь

прибег к своему убийственному трюку — мотнув головой, он нанес глубокую рану Молниеносному, прокусив ему грудь.

Кровь Молниеносного уже запятнала арену, окруженную кольцом волков, и в воздухе повис ее тяжелый запах. У Балу кровоточили обе челюсти. Тридцать или сорок волков образовали круг, в центре которого стояли двое бойцов, и к ним постепенно присоединялись остальные. Мухекун не шевелилась с того момента, когда судорожным усилием пыталась подползти к Молниеносному. Вокруг ее шеи уже расплылась лужа крови, а глаза затуманились. Но она продолжала смотреть на бойцов, стараясь до последнего не выпустить их из виду.

А взор Молниеносного застлала слепая и свирепая ярость. Он не чувствовал ран, не чувствовал боли. Теперь в его крупном теле ожил и сражался дух Скагена. Он больше не пританцовывал и не кружил, как подобает волку. Его сильные плечи напряглись, готовясь к прыжку; он опустил голову, прижал уши и молча кинулся на вожака стаи. Снова и снова Балу рвал его клыками, но Молниеносный не обращал на это внимания, стремясь сжать челюсти в последней смертельной хватке. Дважды он почти преуспел, но лишь на третий раз ему сопутствовала удача — он сомкнул клыки на холке врага. Это был старый прием всех собак на свете. Он не стал наносить рваные раны. Он просто сжал челюсти — как поступил бы на его месте Скаген, — и, когда кольцо волков с налитыми кровью глазами уже грозило сомкнуться

вокруг него, хребет Балу с хрустом переломился и битва закончилась.

Прошла целая минута, прежде чем Молниеносный ослабил хватку и, пошатываясь, отошел в сторону. В следующий миг застывшая в ожидании стая набросилась на Балу, разрывая его тело на куски. Таков был закон волчьей стаи — надругательство над павшим.

А Молниеносный в одиночестве застыл рядом с маленькой волчицей. Мухекун попыталась поднять голову, но вновь бессильно уронила ее на снег. Ее умирающие глаза закрылись. Дважды она открывала их, и, негромко поскуливая, Молниеносный коснулся ее носа своим собственным. Она попыталась было ответить, но из горла у нее вырвался лишь странный всхлип. А потом вдруг по ее красивому юному телу пробежала дрожь, и она испустила последний вздох, уже не пытаясь открыть глаза.

Молниеносный молча стоял над нею, сознавая, что сюда пришла смерть. Выждав несколько мгновений, он сел на окровавленные лапы и задрал морду к небу. И волки, рвавшие Балу на части, слышали его и поняли, потому что из глотки Молниеносного вырвался клич власти, торжества, клич вожака стаи — и в этом вое зазвучали нотки горя и печали. Спустя двадцать лет душа Скагена вновь пришла властвовать над волками.

Несколькими днями позже, в своем домишке на краю расселины, прорубленной глетчером, капрал Пеллетье добавил еще один, уже окончательный постскриптум к своему официальному рапорту,

адресованному старшему инспектору отдела «М» полиции метрополии в форте Черчилль:

«...после вышеизложенного волки устроили очередную бойню, и потому карибу откочевывают еще дальше на юг и запад. Вместе с констеблем О'Коннором я намерен немедленно организовать большую облаву с привлечением эскимосов вдоль этой части побережья, дабы попытаться уничтожить по крайней мере часть этой огромной стаи, которая вытесняет всю дичь из восточных пустошей.

С уважением,
Франсуа Пеллетье».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Унылый и безрадостный полумрак сумерек рассеялся, и арктический мир, золотистый и обманчиво мягкий, покладисто разлегся на коленях Долгой Ночи. Высоко над головой, там, где в южном небе сияло бы полуденное солнце, повисло серебристое сияние, слабо светящееся перламутровое сердце истинной ночи; а вокруг него россыпью раскинулись звезды. Бесчисленные и неподвижные, застывшие и безжизненные, они докучливо сверкали в небесах, освещая замерзший мир подобно неподвижным и ревнивым глазам, завистливо взирающим на потрясающее в своей красоте северное сияние.

Сегодня ночью, или просто сегодня — поскольку ночь и день существуют в категориях часов, даже если дня нет, как и солнца тоже — северное сияние походило на фокусника, кутающегося в многочисленные одежды. Вот уже два часа в небе развлекалась *Kesik Munitoowi* — небесная богиня — и, словно для

того, чтобы опровергнуть свое родство с Северным полюсом, показывала загадочные фокусы и демонстрировала свое величие там, где раньше располагался западный горизонт. Два часа напролет она разворачивала свои транспаранты, переливающиеся всеми цветами радуги; два часа она развлекалась, чередуя холодный огонь с пламенем. Она рассыпала во все стороны тысячи переливающихся, волнообразных и переменчивых танцовщиц; она разбросала по небу тропинки золотистого, малинового, оранжевого и голубого цветов, а теперь — словно устав от затейливых и мудреных узоров — начала окрашивать свою игровую площадку в ярко-алые тона. В городах, деревнях и на открытой местности на тысячу миль к югу ее проказами любовались сотни глаз, спрашивая себя, что же за волшебник развлекается там, «на полюсе». Но вот прямо под ней живые существа дрожали от холода, и льдинки замерзшего мира острыми лучиками отражали равнодушный свет звезд.

Этот мир был мертвым, белым и неподвижным. Здесь было ужасно холодно, холодно настолько, что в воздухе — который не развеивало даже легчайшее дуновение ветерка — временами слышался скрежет и треск. Время от времени с ледовых краев в заливе Коронейшен доносился гулкий взрыв, напоминающий выстрел гигантской пушки, когда один из айсбергов рушился или раскалывался до основания; после чего эхо этих взрывов, подобно жалобно скулящим призракам, принималось разгуливать по замерзшей поверхности залива Батерста, поскольку

Літературно-художнє видання

КЕРВУД Джеймс Олівер
Блискавка

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. В. Колеснікова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 29.01.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 11,76. Наклад 3500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
Свідоцтво ДК № 5454 від 14.08.2017 р.
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
Тел./Факс (0456) 39-17-40
E-mail: bc-book@ukr.net; сайт: <http://www.bc-book.com.ua>

Литературно-художественное издание

КЕРВУД Джеймс Оливер
Молниеносный

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. В. Колесникова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 29.01.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 11,76. Тираж 3500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
Свидетельство ДК № 5454 от 14.08.2017 г.
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
Тел./Факс (0456) 39-17-40
E-mail: bc-book@ukr.net; сайт: <http://www.bc-book.com.ua>

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Настав час, коли знітилися від страху наймогутніші і найсміливіші мисливці. Вони сховалися у своїх иглу і бояться виткнути носа. Температура опустилася до позначки 50 градусів нижче нуля, і повітря стало сухим та гострим. Тоді почалася подорож Блискавки, вовка, у чийх жилах текла також кров дога, його далекого пращура. Шлях поділив із ним його друг — лісовий вовк Містик. На цих двох чекав довгий перехід, крізь замети і бурю, глибокі сніги й небезпечні льодовики. Туди, в саме серце Арктичного узбережжя, до неприступної цитаделі Півночі...

Кервуд Д. О.

К36 Молниеносный : роман / Джеймс Оливер Кервуд ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 224 с.

ISBN 978-617-12-7659-8

Настало время, когда сникли от страха самые могучие и смелые охотники. Они укрылись в своих иглу, боясь высунуть нос. Температура опустилася до отметки 50 градусов ниже нуля, и воздух стал сухим и острым. Тогда началось путешествие Молниеносного, волка, в чийх жилах текла также кровь дога, его далекого предка. Путь разделил с ним друг — лесной волк Мистик. Этих двоих ждал долгий переход, сквозь метель и бурю, глубокие снега и опасные ледники. Туда, в самое сердце Арктического побережья, в неприступную цитадель Севера...

УДК 821.111